Литвинов Д.А.

Римский сенат и senatusconsulta во II в. до н.э. Некоторые компетенции во внешних делах на примере senatusconsultum de Tiburtibus

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2802]

[Публикация работы:]
Литвинов Д.А. 2006: Римский сенат и senatusconsulta во II в. до н.э. Некоторые компетенции во внешних делах на примере senatusconsultum de Tiburtibus // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 18, 73-79.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© Д. А. Литвинов, 2006

Д. А. ЛИТВИНОВ*

РИМСКИЙ СЕНАТ И SENATUSCONSULTA ВО II В. ДО Н. Э. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЕТЕНЦИИ ВО ВНЕШНИХ ДЕЛАХ НА ПРИМЕРЕ SENATUSCONSULTUM DE TIBURTIBUS

Вся история развития римской государственности республиканского периода представляет собой картину борьбы двух начал – аристократического и демократического, и, соответственно, двух государственных органов, воплотивших в себе эти начала – сената и народного собрания. Поэтапное вмешательство комиций в области государственного управления, изначально традиционно принадлежавших сенатской аристократии, менее всего было выражено в сфере международных отношений. Вплоть до конца республики эта сфера, за определенными исключениями, находилась под контролем сената. Однако в некоторых случаях исследователи склонны преувеличивать монополизм сената в области внешней политики и управления подвластными или подконтрольными Риму территориями.

Считается, что во II в. до н. э., когда в Италии сложилась система союзных, формально независимых, но в действительности контролируемых Римом civitates, отношения с этими общинами напрямую регулировались римским сенатом с минимальной возможностью вмешательства в эту сферу комиций. Так, И. В. Нетушил пишет, что сенат волен был по своему усмотрению выносить или не выносить решение дел, касающихся союзников Рима, на рассмотрение комиций, но делал он это лишь в самых исключительных случаях – когда речь шла о заговоре у союзников или вероломном нарушении союзного договора[1]

Для прояснения компетенции сената в этом вопросе и соотношения полномочий между сенатом и комициями полезно рассмотреть один эпиграфический документ. В XVI в. в Тиволи (в древности – город Тибур) была найдена бронзовая таблица размерами примерно 20×30 см с хорошо сохранившимся латинским текстом. Вместе с таблицей была найдена голова статуи, предположительно претора Корнелия. Впоследствии сама табличка была утеряна, и сейчас ее местонахождение неизвестно. Дессау опубликовал текст по копии, найденной в бумагах Генцена (Dessau, Inscriptiones selectae. P. CLXIX. Not. 19). Впоследствии этот текст вошел в состав Fontes iuris Romani anteiustiniani, издание Риккобоно, как постановление римского сената (Senatusconsultum de Tiburtibus). В соответствии с годом претуры Луция Корнелия Лупа текст датируется 159 г. до н. э. Приводим текст этого памятника по изданию Риккобоно.

L. Cornelius Cn. f. pr(aetor) senatum cons(uluit) a. d. III nonas Maias sub aede Kastoris.
Scr. adf. A. Manlius A. f., Sex Iulius ..., L. Postumius S(p). f.
Quod Teiburtes u(erba) f(ecistis) quibusque de rebus uos purgauistis, ea senatus animum aduortit ita utei aequom fuit: nosque ea ita audiueramus, ut uos deixistis uobeis nontiata esse.

---

* Дмитрий Александрович Литвинов – научный сотрудник Центра истории римского права и европейских правовых систем Института всеобщей истории РАН. Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Власть и общество в истории».

[1] *Нетушил И. В.* Очерк истории римских государственных древностей. Вып. 1: Государственное устройство Рима до Августа. Харьков, 1894. С. 284–285.

Ea nos animum nostrum non indoucebamus ita facta esse propter ea quod scibamus ea uos merito nostro facere non potuisse, neque uos dignos esse, quei ea faceretis, neque id uobeis neque rei poplicae uostrae oitile esse facere. Et postquam uostra uerba senatus audiuit, tanto magis animum nostrum indoucimus, ita utei ante arbitrabamur, de eieis rebus af uobeis peccatum non esse. Quonque de eieis rebus senatuei purgati estis, credimus, uosque animum uostrum indoucere oportet, item uos populo Romano purgatos fore.

Перевод:

«Претор Луций Корнелий, сын Гая, обратился к сенату с запросом за 3 дня до майских нон при храме Кастора.

За запись отвечали Авл Манлий, сын Авла, Секс(т) Юлий ..., Луций Постумий, сын Спурия.

Поскольку <вы,> тибуртинцы<,> выступили с речью, и в каковых делах вы оправдывались, <все> это сенат разобрал так, как счел справедливым. И мы это <и раньше> восприняли таким образом, как вам, по вашим словам, было доложено: мы считали, что <вы> этого не делали, поскольку мы знали, что вы, по нашим заслугам, не могли этого сделать, и что было бы недостойно, если бы вы так поступили, и что делать это было не в ваших интересах и не в интересах вашей общины. А после того, как сенат услышал ваши слова, мы еще более укрепились в нашем прежнем мнении, что в этих делах вашей провинности нет. И поскольку вы оправданы в этих делах перед сенатом, то мы думаем (и вам следует это учесть), что вы, равным образом, будете оправданы и перед римским народом».

Сама загадочность содержания сенатусконсульта заставляла исследователей уделять внимание, в основном, реконструкции того, о чем же вели речь послы Тибура и в чем они оправдывались. Преобладает, в той или иной степени, «теория заговора» – вероятно, тибуртинцев обвиняли в заговоре против Рима[2]. Но не менее, если не более интересным предметом исследования кажется сама форма документа, аналогов которой среди памятников подобного рода не встречается.

Несколько слов об обычном порядке сенатских заседаний и структуре сенатусконсультов[3]

Со времени Публилиева и Мениева законов (441 и 338 гг. до н. э.) в отношении решений комиций по принятию законопроектов и выбору магистратов auctoritas patrum выражалась в предварительном порядке. С тех пор она приобрела не санкционирующий, как ранее, а формально консультативный характер. К рассматриваемому нами времени (конец II в. до н. э.) auctoritas patrum стала выражаться в «постановлениях сената», сенатусконсультах. Консультативный, формально необязательный характер сенатусконсультов выражался в используемой лексике – senatus censuit, senatu placuit, videtur (сенату угодно, сенат считает). Юридически постановления сената представляли собой рекомендации магистратам, что подчеркивалось соответственными выражениями – si eis videretur (если они <магистраты> сочтут это необходимым). Однако на деле в дограхковскую эпоху такие сенатские постановления беспрекословно выполнялись.

Правом созыва сената обладали высшие курульные магистраты (консулы и преторы), а также плебейские трибуны. Причем магистраты низшего ранга могли обращаться к сенату либо в случае отсутствия в Риме магистратов более высокого ранга, либо если эти магистраты делегировали им свое право cum senatu agendi. Заметим, что в рассматриваемом нами случае заседание сената ведет претор. В назначенный магистратом день сенаторы собирались в одном из обычных мест проведения сенатских собраний. Такими местами в середине II в. до н. э. были Гостилиева курия и храм Кастора на форуме, дру-

---

[2] *Badian E.* Foreign Clientellae. Oxford, 1984. P. 146; *McDonald A. H.* Rome and the Italian Confederation (200–186 B. C.) // JRS. 1944. Vol. 34. P. 15.

[3] Более подробно см. *O'Brien Moore.* Senatus // RE. Suppl. VI. Stuttgart, 1935. S. 707–718; *Нетушил И. В.* Указ. соч. С. 233 и далее.

гие храмы в черте померия, в случае же если в заседании должны были принимать участие лица, не имеющие права входить в город[4], заседание проводилось вне городских стен – обычно в храме Беллоны на Марсовом поле.

Оформлялась запись сенатусконсультов единообразно. Она включала в себя: 1) имя и должность магистрата, обратившегося к сенату с запросом; 2) дату и место заседания, а также имена сенаторов, ответственных за запись и публикацию сенатского постановления; 3) relatio – изложение сути запроса магистрата; 4) sententia, то есть собственно решение сената, иногда включающее в себя sanctio, меры, предусмотренные против нарушителей данного постановления; 5) утверждающую формулу censuere. Со времени Августа стали отмечать также число присутствовавших на заседании сенаторов. Только в эпоху зрелого Принципата оформление сенатусконсультов стало более свободным. Всякая законодательная инициатива исходит либо от принцепса в виде orationes principum, либо от послушных ему магистратов.

В республиканское время текст принятого постановления сената вывешивался в общедоступном месте и передавался в государственную казну в храме Сатурна (aerarium populi Romani, a. Saturni), которая одновременно служила и государственным архивом. Там таблицы с текстами актов находились под охраной городских квесторов, у которых можно было в частном порядке получить списки с них. Если постановление касалось не только города Рима, но и других территорий, то оно рассылалось на места с требованием к местным властям опубликовать его подобным же образом. Бóльшая часть сенатусконсультов дошла до нас именно в виде таких местных копий, обычно представляющих из себя текст, вырезанный на бронзовых или каменных досках.

Однако структура текста рассматриваемой нами таблички выделяет ее из числа подобных эпиграфических памятников. Так, имеется официальное вступление с датой и именем магистрата, созвавшего сенат, есть перечень лиц, ответственных за запись, но нет ни установленных формулировок censuere, placuit и т. п., ни сентенции, ни вообще какой-либо резолютивной части, для которой обычно характерен «сенатский» конъюнктив (в противовес «народному» императиву в текстах законов). И наконец, отсутствует еще одна обязательная часть постановления сената, – что особенно обидно для современного исследователя, – relatio, доклад магистрата с изложением самой сути дела, то есть в чем именно обвинялись и в чем оправдывались тибуртинцы. Хорошая сохранность таблички (судя по копии Генцена) не дает возможности предполагать утерю всех этих частей – их просто не было.

Кроме того, это единственный среди сохранившихся сенатских актов текст, где мы встречаем первое лицо множественного числа (audiveramus, credimus etc.) вместо традиционного третьего. Все постановления сената записывались от третьего лица, кроме поздних постановлений императорского времени, когда сенатусконсульты в точности повторяли тексты императорских речей (SC. Claudianum), произносившихся, естественно, от первого лица.

Многие исследователи (среди них и сам Риккобоно в примечании к SC) замечали, что перед нами не собственно постановление сената, а письмо претора Корнелия, излагающее суть этого постановления тибуртинцам. Однако это не снимает большинства вопросов: почему не приводится сам текст постановления (как сделано это Марком Антонием в его письме афродисийцам, где он приводит дословно текст SC de Aphrodisiensibus)? Почему его содержание не излагается хотя бы вольно? Откуда глаголы в первом лице множественного числа? Кто субъект этого первого лица, то есть это «мы»?

Письма римских магистратов к местным властям, содержащие изложения сенатских решений, дошедшие до нас, не составлялись в первом лице множественного числа, а были написаны от первого лица единственного числа[5] В тех случаях, когда в таких посланиях встречается множественное число первого лица, оно объясняется тем, что пись-

[4] Это могли быть послы государств, не состоящих с Римом в дружеских или союзных отношениях, или магистраты, еще не сложившие с себя военный империй, например, ожидающие триумфа.

[5] См., например, SC de Aphrodisiensibus.

мо написано двумя магистратами[6] В рассматриваемом случае мы, очевидно, имеем дело не с сенатусконсультом в собственном смысле слова, и даже не с изложением его в письме претора к тибуртинцам, а с непосредственным посланием к тибуртинцам от лица всего сената. Собственно говоря, ни само такое послание, ни его содержание не может быть названо ни senatusconsultum, ни senatus auctoritas, ни даже наиболее общим термином sententia senatus. В послании есть намек на более раннее рассмотрение сенатом того же дела тибуртинцев, но в какой форме оно происходило, сказать невозможно.

Перед тем как пытаться ответить на эти вопросы, было бы полезным уточнить юридические отношения, связывающие Тибур с Римом, а также полномочия сената, вытекающие из таких отношений.

Правовое положение Тибура и полномочия римского сената в отношении италийских союзников

Тибур в ходе II Латинской войны был одним из самых упорных противников Рима, для борьбы с которым тибуртинцы даже прибегли к помощи галлов[7] Однако после поражения в 338 г. Тибур оставался лояльным Риму и вполне доказал свою верность во время Ганнибаловой войны. После этой войны правовое положение Тибура довольно слабо освещено источниками. Тем не менее, большинство исследователей склоняются к тому, что тибуртинцы имели в Риме латинские права[8]. В тексте нашего документа Тибур называется res publica, что свидетельствует о самостоятельности общины, о том, что она не входила в состав римской civitas. М. В. Леднева аргументирует это еще и тем, что Тибур был еще в I в. до н. э. одним из мест, куда удалялись римские изгнанники, а это могло происходить только в том случае, если он юридически представлял собой независимое государство[9] Мнения исследователей насчет того, имел ли Тибур особый союзный договор с Римом, различны, Так, например, Шервин-Уайт считает, что socii Latini nominis вообще не имели с Римом отдельных союзных договоров[10] Однако М. В. Леднева в своей статье справедливо указывает на свидетельство Полибия о наличии договора (horcia) между Тибуром и Римом[11] Все вышесказанное позволяет считать Тибур латинским союзником Рима.

Если провинции римского народа управлялись сенатом опосредованно, через магистратов-наместников, то италийские дела находились в прямом ведении курии. Поскольку к середине II в. до н. э. на территории Италии не осталось собственно провинций, то внутриитальянские дела решались на основании договоров между Римом и формально независимыми союзниками, кроме, естественно, колоний гражданского и латинского права, управляемых из Рима напрямую. На такие союзные отношения, как и на прочие международные дела, распространялась компетенция римского сената. В нее входили объявление войны, заключение мира, заключение союзных договоров (foedus), прием и отправка посольств, разбор внутренних раздоров между союзниками и внутри союзных общин и другое[12]. При этом стоит отметить, что объявление войны общинам, связанным с Римом союзными договорами, в обязательном порядке должно было быть подтверждено комициями. Однако, по мнению Нетушила, все прочие аспекты отношений с союзниками полностью входили в компетенцию сената и вынесение соответственных дел на комиции происходило только по инициативе самого сената, и только в случае особой важности дела, как, например, заговора против Рима со стороны союзных полисов.

---

[6] SC de Amphiarai Oropii agris.

[7] *Liv.* VII. 9–19.

[8] *Toynbee A.* Hannibal's Legacy. L., 1965. Vol. 1. P. 249–250; *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н. э. М., 1971. С. 41.

[9] *Леднева М. В.* Особенности государственно-правового положения Тибура. II в. до н. э. // Древнее право. 2001. № 8. С. 88–98.

[10] *Sherwin-White A. N.* The Roman Citizenship. Oxford, 1939. P. 91.

[11] *Polyb.* VI. 14. 7–8.

[12] *O'Brien Moore.* Op. cit. S. 723; *Нетушил И. В.* Указ. соч. С. 233.

Был ли заговор?

Однако насколько эта «теория заговора» соответствует самому тексту документа? Хотя в нем и нет никаких прямых указаний, позволяющих делать выводы о фактической стороне дела, о том, в чем же собственно провинились тибуртинцы, тем не менее, сама форма документа дает некоторые возможности для прояснения ситуации. Прежде всего, обвинение в заговоре – самые тяжелые из всех, которые могут быть выдвинуты против союзников. В таких случаях по обычаю председательствовал на заседании один из консулов. В 159 г. консулами были Гней Корнелий Долабелла и Марк Фульвий Нобилиор. И если последний отсутствовал в Риме, так как командовал войском в Лигурии, то Долабелла, судя по всему, находился в городе. Видимо, он делегировал свое право председательства в сенате претору Луцию Корнелию, что означает, в частности, что ничего экстраординарного или особо серьезного в деле, рассматриваемом сенатом, не было усмотрено.

Сама лексика, используемая в послании, не создает впечатления, что тибуртинцам каким бы то ни было образом вменялось в вину что-то серьезное: peccare (af vobeis peccatum non esse) – скорее значит «допускать оплошность, ошибку», чем «совершать преступление». В случае, если бы речь шла о заговоре, можно было бы ожидать более сильных определений. Документ не содержит никакого упоминания о расследовании обстоятельств дела, о заслушивании свидетелей с разных сторон и других обязательных атрибутах следствия. В нем лишь говорится, что после заслушивания доклада мнение сената не изменилось. О том, что по тому же делу было уже вынесено какое-то решение сената, свидетельствуют слова «мы и раньше воспринимали это так, как вам, по вашим словам, уже было доложено».

Кроме того, судя по форме документа, официальных послов Тибура на заседании не было, иначе, согласно установленной форме сенатских актов, они были бы поименно перечислены[13] Однако в тексте таблицы содержится сокращение V. F., которое Риккобоно раскрывает как verba fecistis. Нам кажется, это выражение не следует принимать буквально, как свидетельство об очном присутствии послов Тибура на заседании. Для иллюстрации можно привести Senatusconsultum de Thisbensibus 170 г. до н. э. После официальной преамбулы с именем претора Квинта Мения, созвавшего сенат, датой и перечислением ответственных за запись сенаторов, следует такой текст: «Поскольку фисбийцы, которые [всегда] пребывали в дружбе с нами, выступили с обращением о касающихся их делах и просили выделить им людей, которым они могли бы изложить свое дело, то об этом деле постановили так: чтобы претор Квинт Мений направил из числа сената пять человек, кого он сочтет нужным исходя из интересов государства и своей доброй совести. Постановили». Это заседание датировано 9 октября. Через 5 дней, 14 октября, сенаторы заслушивали эту комиссию, излагающую им дело фисбийцев. Тем не менее все разделы этого изложения вводятся словами οἱ αὐτοὶ λόγους ἐποιήσαντο, где под οἱ αὐτοὶ (они же) подразумеваются фисбийцы, хотя свое обращение они передавали опосредованно, через комиссию сената. Кроме того, если предположить, что послы Тибура присутствовали на заседании, то не имело бы смысла само послание, не содержащее ничего, кроме неформального уведомления тибуртинцев об отношении сената к рассматриваемому делу.

Здесь уместно вспомнить о той самой голове, найденной вместе с документом, возможно, принадлежащей статуе претора Корнелия. В таком случае можно объяснить и то, чье именно посредничество использовали тибуртинцы для своего обращения к сенату, и то, почему этот незначительный по содержанию документ оказался выбит на бронзовой доске, подобно официальным актам Тибура или постановлениям римского сената. Возможно, Корнелий Луп был патроном тибуртинцев, и таким образом власти Тибура решили увековечить память о его благодеяниях, оказанных городу.

Если послов Тибура на заседании не было, это значит, что сенат даже не счел необходимым прибегнуть ни к evocatio, вызову послов в Рим, ни к составлению сенатской

[13] См., например, SC de collegiis artificum Graecis и SC de Aphrodisiensibus.

комиссии для расследования предполагаемого проступка тибуртинцев. На заседании, судя по тону и содержанию записки, среди сенаторов также не возникло разногласий по поводу невиновности Тибура. Все вышесказанное свидетельствует о том, что дело, рассматриваемое сенаторами, воспринималось как совершенно ординарное, никоим образом безопасности и спокойствию Рима не грозящее.

Итак, представляется наиболее вероятным, что речь в послании идет не о заговоре, а о подозрениях в некоем гораздо менее серьезном нарушении союзного договора между Римом и Тибуром. Поскольку самой главной, если не единственной обязанностью римских союзников в соответствии с таким союзным договором была военная помощь в виде воинских отрядов и обеспечения, то можно предположить, что тибуртинцы обвинялись в нарушении поставок подобного рода.

Сенат и комиции

Последние слова послания ясно показывают, что в дополнение к мнению сенаторов предполагалось еще и решение комиций по данному вопросу. Как уже отмечалось, все дела по управлению Италией и отношениям с италийскими союзниками Рима находились всецело в компетенции римского сената. Если провинциями сенат управлял через наместников, и его постановления по делам внеиталийских провинций формально считались, как и прочие сенатусконсульты, рекомендацией магистратам, управляющим этими провинциями и территориями, то в отношении италийских союзников решение сената было окончательным. Считается, что решение сената по таким делам не нуждалось в одобрении народным собранием. Не имели комиции отношения и к приему иностранных посольств. Нам известны лишь особо важные случаи, когда сенат выносил подобное дело на рассмотрение комиций[14].

Однако в нашем случае мы видим, что на комиции выносится дело, не отличающееся особой важностью. Можно предположить, что компетенция комиций во II в. до н. э. были шире, чем это обычно предполагается. Если foedus заключался от имени senatus populusque Romanus, то хотя в такой формулировке сенат и стоит на первом месте, тем не менее, упоминание римского народа весьма значимо. Мы могли это видеть на примерах необходимости подтверждения решения сената комициями в случае объявления войны союзному государству, или разбора дела вероломного союзника. Рассмотренное нами послание сената тибуртинцам показывает, что круг таких дел гораздо шире и, видимо, охватывает все случаи возможного нарушения союзного договора. Таким образом, суверенитет римского народа и компетенция народного собрания проявлялись еще в дограковскую эпоху и во внешних делах, на которые, согласно распространенному мнению, распространялись почти исключительно властные полномочия сената.

[14] К таким ситуациям относились с древнейших времен случаи вероломного нарушения союзного договора со стороны союзников (см. *Liv.* VII. 20 о послах города Церы: legati senatum cum adissent, ab senatu reiecti sunt ad populum) или же заключения такого договора в особо сомнительных случаях (см. *Polyb.* I. 11 о договоре с мамертинцами в 264 г. до н. э.).

D. A. LITVINOV

SENATO ROMANO E *SENATUSCONSULTA* NEL II SEC. A. C. ALCUNI ASPETTI DELLA COMPETENZA IN AFFARI ESTERI SULL'ESEMPIO DEL *SENATUSCONSULTUM DE TIBURTIBUS*

(RIASSUNTO)

Nel 600' a Tivoli (l'antica *Tibur*) è stata rinvenuta una tabella di bronzo con un testo latino. Poi la tabella stessa è stata perduta, ma il suo testo è stato pubblicato da Dessau sulla base di una copia esistente. Il testo è entrato nel corpo dei *Fontes iuris Romani anteiustiniani* di Riccobono con il nome di *Senatusconsultum de Tiburtibus*. Il testo è datato 159 a. C.

L'oscurita del contenuto di tale reperto ha spinto i ricercatori a tentare di capire quale fosse il contenuto del documento, di cosa insomma si fossero scusati i tiburtini. L'opinione comune propende, *mutatis mutandis*, verso una "teoria della cospirazione", secondo cui i tiburtini sarebbero stati accusati di attività ostile e segreta contro Roma. Molto interessante è la forma del documento, perche non sono stati ritrovati testi analoghi di questo tipo.

I *senatusconsulta* dell'epoca reppublicana si scrivevano secondo delle modalità standardizzate. Venivano sempre preposti ad essi dei preamboli con il nome del magistrato per iniziativa del quale era stato riunito il senato. Poi seguivano la data e il luogo del convegno, i nomi dei senatori risponsabili per l'iscrizione del documento, l'ordine del giorno della riunione, la risoluzione adottata dall'organo, ed a volte il documento veniva chiuso con una *sanctio* contro i trasgressori con, alla fine, la formula affermativa consistente nell'iscrizione del verbo *censuere*.

Fatta eccezione per il preambolo, manca nel *Senatusconsultum de Tiburtibus* ogni altra parte di tale elenco. Non c'è neanche l'indicazione dell'argomento per cui il Senato era stato riunito. Lo stile del testo differisce da quello solito dei senatusconsulti. Manca "il congiuntivo del senato" Molti ricercatori (tra cui lo stesso Salvatore Riccobono) hanno avanzato l'ipotesi che il testo non sia relativo ad un senatusconsulto nel senso proprio del termine, ma una lettera del pretore Cornelio ai tiburtini, nella quale questi racconta a questa popolazione gli esiti di una riunione senatoriale rivestente notevole valore per loro. Tuttavia, certe particolarità nella forma in cui è redatto il testo (come il numero plurale dei pronomi e molte altre), non sono ancora state spiegate in modo soddisfacente.

L'Autore confronta questo testo con altri messaggi ufficiali di magistrati romani redatti secondo l'ordine formale del senato. Il *Senatusconsultum de Amphiarai Oropii agris* (73 a. C.), il *Senatusconsultum de Aphrodisiensibus* (73 a. C.), che tuttavia sono scritti in maniera abbastanza diversa.

Il testo finisce con le parole "*uos populo Romano purgatos fore*", che può essere considerata un'indicazione chiara del fatto che si sollecita la risoluzione del caso attraverso una deliberazione comiziale e che, al contempo, l'affare dei tiburtini non era stato ancora risolto dalla riunione senatoria. Può darsi che in ragione della non ufficialità del documento deliberato dal senato, questo sia stato scritto in un modo più libero e in una forma quindi diversa rispetto a quella di altri documenti arrivati fino a noi.

L'Autore avanza l'ìipotesi che il documento esaminato possa rappresentare un esempio di amministratione diretta del senato rivolta verso i territori dell'Italia. Un'attività che non aveva bisogno dell'intermediazione dei magistrati, né dell'esercizio della loro iniziativa legislativa perché il senato potesse rivolgersi ai *comitia*.